

АНАТОЛИЙ ЯКОВЕНКО

СУДЬБА РУССКОЙ ДЕРЕВНИ

Из записок шабашника

Взяться за эти воспоминания и поделиться некоторыми мыслями о происходящем в деревне меня подтолкнуло нынешнее положение. За последние два десятка лет крестьянство доведено до крайней черты. И если раньше коренной русский мужик больше всего дорожил своей землёй и всегда готов был отдать за неё даже жизнь, то сегодня он вынужден бросать её и искать счастья на чужой стороне.

Мне пришлось не один год строить на селе коровники, гаражи и складские помещения. Трудиться в качестве сезонника.

В 60-е годы я только-только окончил школу тренеров при институте физкультуры им. Лесгафта в Ленинграде и получил заветный значок мастера спорта по боксу. Но так уж вышло, что вдруг потянулся с ещё большей силой к писательству и, порвав со своим первым увлечением, уехал к себе на Урал в рабочий посёлок.

Не терпелось как можно скорее окунуться в новое дело. Отгородиться от всех и всего, поселиться где-нибудь в одиноком домишке и с утра до вечера сидеть за книгами. Но для этого у меня не было ни средств, ни понимания со стороны моих близких, потому что им казалось, что писательство — это что-то совсем несерьёзное.

— Ведь надо ещё на что-то жить, — выговаривала мне мать. — Не будешь же ты только читать да бумагу изводить на всякие выдумки.

И мне ничего не оставалось, как напроситься в армянскую бригаду, которая неизменно работала неподалёку от нашего глиняного карьера в совхозе “Откормочный”. И благодарен был судьбе за то, что за несколько месяцев работы у них освоил не только азы строительных работ, но и открыл для себя совершенно незнакомый ранее мир.

* * *

Следующей весной я решил попробовать организовать свою бригаду, тем более что среди поселковых школьников всегда было в избытке желающих найти себе применение во время летних каникул. И я быстро смекнул, что могу вместе с ними выполнять разные ремонтные работы в совхозе. Ведь для этого не надо было даже иметь какие-то особые навыки. Достаточно, чтобы в бригаде был хотя бы один умелец: опытный каменщик, плотник. А уж он-то

быстро научит любого подростка держать топор или мешать раствор. А срывать старую прогнившую крышу или полы в свинарниках вообще сумеет каждый. Было бы только желание! Бери ломик или гвоздодёр да начинай орудовать.

В совхозе на ту пору работы было хоть отбавляй. Отыскать по весне подходящую работу не составляло труда. Со временем ко мне как бригадиру пришёл опыт и необходимая закалка. И я уже почти безошибочно чувал, куда и как можно отправляться со всей своей бригадой. А там найти только общий язык с прорабом, председателем колхоза или директором совхоза да получше устроиться на новом месте, в отданной нам для этого старой школе, общежитии или просто на снятом подворье. Всё это было привычно и не так уж накладно.

Главные трудности и проблемы начинались после сдачи объекта, когда наступало время получать деньги, ибо их не так-то просто было “вырвать”. Хотя и договор у нас был на руках, да и все наряды были оформлены, как полагаются. В конторе, однако, всегда находились те, кто готов был придраться к чему-то или даже усомниться в правильности всей документации, потому как уж больно большим казался им наш заработок. Шутка ли! Он в три-четыре раза превышал сумму заработка любого местного работника. И тут невольно возникла зависть: какие-то залётные чужаки – и гребут такие деньги! Вот и приходилось идти на различные ухищрения, к примеру, *растягивать* список членов своей бригады, чтобы уменьшить заработок, приходящийся на каждого. Для этого мы находили “подставных”, вносили их в общий расчётный лист, а затем просили расписаться у кассы за наши деньги.

И этот формальный подход к делу был изрядным тормозом во всём. Ведь план по сдаче зерна, мяса или молока надо было выполнять вовремя и любой ценой. А людей, чаще всего, не хватало, как и в строительстве. И председатели колхозов, и директора совхозов тоже вынуждены были идти на всякие уловки, ездить по инстанциям в область, доказывать, пробивать помощь, обращаться к заводским шефам за материалами. То, глядишь, вагон лишнего кирпича выпросят, то лес или готовый пиломатериал. Вспоминается мне одна из таких поездок вместе с директором Довжко и прорабом Дудиным в воинскую часть, располагавшуюся рядом с узловой станцией Карталы, где Дудину когда-то приходилось заливать бетонные дзоты и куда он повёз нас перетолковать насчёт цемента. И не напрасно! Старые друзья и знакомые Дудина оказались сговорчивыми. И как только выпили с нами на берегу реки по рюмке-другой, закусив вдобавок нашими специально прихваченными шашлыками, так сразу пообещали отправить нам целый вагон. Да не какой-нибудь списанной завалывшейся “пылёнки”, а самой крепкой, марки-600, от которой любая стена в телятниках будет отливать особым синеватым блеском.

– Вот крутимся и достаём всё, где только можем, – не удержался на обратном пути Довжко. – А в районной газете статья появилась о нашем совхозе, будто я чуть ли не потакаю тёмным делишкам и иду на поводу у всяких шашлыков.

– Да чего там, – бросил почти невозмутимо Дудин. – Их дело – писать, а нам надо как-то строить! Если будешь сидеть и дожидаться манны небесной, ничего не добьёшься.

Довжко не стал ни возражать Дудину, ни углубляться в эту столь простую и, очевидно, слишком болезненную тему. Директор он был, в общем-то, умный, расчётливый, и всё у него в совхозе было неплохо. И с кормами, и со сдачей мяса... Ну, а стройка что? Тут уж он больше полагался на прораба Дудина, о котором надо рассказать поподробнее, потому что личность он и в самом деле неординарная и в какой-то степени даже показательная для того времени.

В совхоз он попал из нашего областного центра Челябинска, всю свою жизнь до этого проработав в военном ведомстве и дослужившись до капитана, хотя и занят был в основном на строительстве. А беда его заключалась в том, что он был неисправимым выпивохой, и с самого утра все его помыслы сводились к одному: как бы поскорее опохмелиться! Поэтому он начинал всячески кобениться у себя в кабинете, где набиралось немало разных строителей, и каждый чего-то дожидался. Кому надо было выписать какой-нибудь краски или гвоздей, кому получить разрешение на распиловку брёвен на пиломатериале, а нашему брату – бригадирам из наёмных шашлыков – чаще всего хотелось поскорее заполучить наряды на предстоящую работу. И тут уж Дудин тянул с ними как можно дольше, всё что-то прикидывая и на что-то намекая.

— Рука владыка, — берясь за ручку и пододвигая к себе логарифмическую линейку, бросал он. — Хочу — напишу сто рублей, хочу — тысячу.

И чтобы как-то ублажить его и сдвинуть дело с мёртвой точки, надо было выбрать момент и налить ему вина в стакан. И только тогда он начинал сразу повеселевшим голосом отдавать какие-то команды и приступать к выписыванию нарядов.

Именно при нём в совхозе были построены самые важные объекты! Высокая водонапорная башня из кирпича, благодаря которой вода в телятники и свинарники стала подаваться по трубам, а раньше её развозили в бочках на лошадях. Кормоцех для дроблёнки и приготовления более калорийной пищи для поросят. Не говоря уж о разных гаражах, складах и многочисленных новых домах. И когда, в конце концов, Довжко был вынужден его уволить, равной замены ему сыскать не удалось.

Новый прораб был из местных плотников, послушный, старательный, но грамоты и дудиновской хватки у него явно не доставало, потому и на стройке при нём всё катилось по инерции: один-два телятника или свинарника отремонтируют — и на том спасибо! Да и директора Довжко перевели вскоре в областной трест. Поэтому и мне со своей бригадой пришлось перекочёвывать на новые места, где судьба свела меня с одним уж больно лихим управляющим в совхозе “Победа”. А точнее, в отделении “Джамбул”.

* * *

А упомянуть о нём тоже нужно непременно, ибо это был не просто выпивоха или сумасброд, а куда более крупный дележка и вымогатель. Достаточно сказать, что в конторе он рассадил своих верных казахов: и бухгалтера, и зоотехника, и агронома с учётками. А сам разъезжал на конной двуколке и ходил скорее на заправского бая, чем на управляющего. Да и в облике его явно сквозило что-то азиатское: он был маленький, кругленький, с вечно прищуренными узкими глазками. И вёл себя он так, будто действительно был полным хозяином отделения совхоза. Мог, например, выделять приезжим мужикам за определённую мзду целые сенокосные угодья, а когда кто-нибудь из местных рабочих пытался самовольно накосить сена для своего хозяйства, то силой заставлял перегрузить сено на подогнанный трактор и отвезти к коровникам на общий сеновал.

Незадолго до нашего приезда у него вышла целая история со скотником, отцом пятерых детей Исадом, здоровым, нахрапистым мужиком, обиженным на то, что Кизатыч — так звали управляющего — отобрал у него сено, накошенное на укромной поляне.

Не сдержавшись, Исад пришёл к нему вечером прямо в дом, чтобы поговорить и разобраться во всём, но перепугавшийся Кизатыч схватил ружьё и выстрелил в него. Хорошо, что дробь пролетела мимо. Хотя Исада управляющий всё равно не простил, и его вскоре посадили в тюрьму: сработали давние связи Кизатыча с районной милицией и судьёй.

А нас он вначале изводил тем, что придирался буквально к каждой прибитой доске. Мы подрядились заменить крышу на старом четырёхрядном коровнике.

Пока я не раскусил его и не понял, что он пытается, используя нашу бригаду, выторговать на центральном отделении как можно больше материала: досок, бруса, цемента с кирпичом, оконных проёмов.

Всё это надо ему было для каких-то опять же личных нужд. И когда я ссылался на то, что мне отпускают всё строго по счёту и накладным, то он только прищуривал ещё сильнее свои узкие глазки, хлопал меня по плечу и ронял:

— Ах, Толя, все жить хотят... как-нибудь договорись! А мы уж тебе тут тоже подпишем всё безо всякой проволоочки.

И приходилось вновь выворачиваться... Не бросишь же начатую работу на полпути! Ведь несколько месяцев вкалывали без отдыха, а тут вдруг какой-то срыв — и можно лишиться законного заработка.

Но нам тогда крепко повезло, ибо нас неожиданно перекинули в соседнее отделение “Магнай”. Там тоже крыша одного из коровников оставалась полностью раскрытой. И нас попросили обнести её обрешёткой и накрыть крупными листами шифера, поскольку зима уже была на носу. Не успели мы

приступить к работе, как повалил снег, и все дороги занесло. Но нас всё равно поторапливали и просили поскорее закончить крышу, потому что скотина стояла под открытым небом в большом соседнем лесу, и управляющий здешний с пастухами боялись, как бы её не разогнали окружившие их со всех сторон волки.

Мы всё-таки справились, и к нам приезжал сам директор этого крупного, с пятью отделениями совхоза. Увидев всех бычков с тёлками внутри тёплого коровника, он как-то разом преобразился и пообещал выписать нам премию за такое усердие. А заодно выплатил безо всяких осложнений деньги и за ремонт джамбульского коровника, так что Кизатычу не пришлось нам больше морочить голову и допекать нас бесконечными придирами.

* * *

Но хотелось бы рассказать подробнее о советской поре, ведь было много и хорошего! Среди председателей колхозов и директоров совхозов было немало честных и добросовестных тружеников, стремившихся вовремя посеять и убрать выращенный урожай, построить коровники, школы, больницы и детские сады. Особенно мне врезался в память председатель колхоза им. Шевченко. А слышан я был об этом хозяйстве или, лучше сказать, небольшом полустепном селении ещё от своей снохи. Она попала сразу после окончания медицинского училища в город Троицк. Было это в начале 50-х годов и, несмотря на недавнюю войну и потерю многих мужиков, колхоз этот уже тогда выделялся во всём нашем районе как по сдаче сверхпланового зерна, так и по сдаче молока и мяса. Жили в нём в основном переселенцы с Украинны. Получали наделы, запахивали их и засевали чаще всего пшеницей. И колосья наливались такими, что хватало и на продажу, и на корм скоту. За какие-то три-четыре года в каждом подворье, считай, появлялись уже и своя лобогрейка, и сенокосилка, и пара ухоженных выносливых лошадей, а также коровы, овцы, гуси с курами.

После раскулачивания и ликвидации всех этих крепких единоличных хозяйств образовались колхозы. Так возник колхоз имени Шевченко.

Вчерашние единоличники, упрямые и прижимистые, в то же время были весёлыми, любили вместе “поспівать”. Собирались обычно по вечерам у кого-нибудь в хате, рассаживались вдоль стен на скамейках и, лузгая семечки, а кто и не выпуская из рук какой-нибудь пряжи, принимались одну за другой вытгивать свои удивительно звучные проникновенные песни.

Попал я туда с нашим проворным звеном для непростой работы. Надо было срочно привезти из “Сельхозтехники” железный уголок и заменить им в одном из свинарников деревянные клетки.

— Грызут их свиньи, — пожаловался мне тамошний председатель. — Надоело доски перебивать... Вот и решили более надёжные поставить.

— Сделаем, чего там, — заверил я как можно спокойнее. — Не впервой... Сварщики у нас опытные!

На том и закончился наш первый разговор. Всё обличье председателя не производило какого-то особого впечатления. Слишком уж он казался каким-то невзрачным, простоватым, хотя колхоз его и был, как я уже говорил, на слуху. Пиджак на нём был самый обыкновенный, с выцветшими потёртыми бортами, стоптанные туфли, тонкая летняя кепчонка. Однако к концу недели в разговоре с ним я заметил вдруг за воротом его рубашки зарубцевавшийся шрам, который, как оказалось, был отметиной ещё с войны. И после этого во мне будто что-то дрогнуло, и я стал уже совсем по-другому смотреть на него.

Звали его Иваном Васильевичем — в конторе все величали его по имени и отчеству, при этом ничуть не заискивая перед ним.

Он, бывало, подолгу сидел за какими-то бумагами и отчётами. Тут же возле него бывал и старший бригадир. Говорил чаще всего о более правильном рационе кормления животных и добавках.

Приезжали к ним нередко из района представители всяких служб. Специалисты и по молоку, и по мясу, и по шерсти... Выискивали какие-то недочёты. И тут Иван Васильевич водил их по разным коровникам. Показывал и всё чего-то разъяснял, словно от каждого надоенного литра молока или лишнего килограмма мяса зависела чуть ли не судьба их колхоза.

А у нас вышла поначалу стычка из-за несколько невнимательного к нам отношения, ибо стоило только мне привезти от стоявшей на взгорке мастерской сварочный аппарат “Сак”, как через час-другой прибежал за ним кто-то из трактористов или комбайнёров. Наша работа моментально останавливалась, мы отдавали аппарат и вынуждены были уходить на ненужный перекур, лёжа где-нибудь в тени под крышей пустого свинарника, пока только что вернувшийся из зоны Васька Мурзаев (мы брали в бригаду и бывших ээков) не взобрался на верх двухколёсного “Сака” и не пригрозил главному инженеру:

– Лучше не подходи, – приподнял он над собой какой-то железный прут. – Мы нанялись к вам работать, а не бить баклуши. Больше вы не получите его, пока мы не сварим всё, вплоть до последней клетки.

Прибежавший на помощь главному инженеру Иван Васильевич, увидев такую решимость и одновременно нашу общую готовность даже бросить начатую работу, только покачал головой, вздохнул и попытался успокоить нас.

– Ладно, ладно, – обронил он внезапно изменившимся голосом. – На сегодня уж отдайте... Там у них на самом деле крестовина полетела на погрузчике. А завтра утром мы вам другой привезём с полевого стана, и никаких сбоев у вас больше не будет.

Иван Васильевич слово своё сдержал: нам действительно привезли новый аппарат. В момент сдачи нашей работы он только обошёл сваренные клетки, потрогал на крепость и, поблагодарив нас всех, тут же взял у меня из рук приёмный акт и твёрдым размашистым почерком поставил на нём свою фамилию. К вечеру мы с полученными деньгами отправились к себе домой на другой конец района.

Вновь свидетелься с председателем довелось в самый разгар начавшейся перестройки, когда я занялся поиском материала о рассказывании своих земляков и приехал к нему, чтобы выслушать его живые свидетельства. Ведь у меня хорошо отложилось в памяти, как в одном из наших разговоров Иван Васильевич обмолвился, что родом он из соседнего Каракульского района, из бывшей Вагановской станицы.

Был он к этому времени уже на пенсии. Но в отличие от многих председателей колхозов и директоров совхозов, сумевших всякими правдами и неправдами обзавестись под старость городскими квартирами, даже и не помышлял никогда покинуть село, а продолжал жить в том же невысоком деревянном домишке неподалёку от конторы, занимаясь расставленными тут же во дворе пчелиными ульями да копчением сала на самодельном вертеле.

Меня он хоть и с трудом, но узнал, завёл в дом и, усаживая за стол и ставя старинный медный самовар, принялся высказывать самое наболевшее.

– И как только такое возможно, – расстёгивая ворот рубашки и пытаясь облегчить себе дыхание, говорил он. – Прислали к нам председателем одного из области, и тот учинил целый погром. Сперва раздал колхозную землю по паям, списал трактора с комбайнами и пустил под нож даже дойный гурт. А потом дозволил и на самих базовках растащить всё, вплоть до последней водопроводной трубы.

А ведь этим-то коровникам и свинарникам была отдана, по сути, вся его жизнь. С каким трудом им порой удавалось выкроить лишнюю доску или кирпич! И вдруг бросили всё на самотёк... надеясь лишь на одних польстившихся всякими посулами фермеров. Но ведь и для этого надо было вначале подвести необходимую материальную базу. Обеспечить запчастями, бензином, а не взвизгивать на них такую цену, что все мигом попали в кабальную зависимость от разных перекупщиков!

* * *

Пришлось мне со своей бригадой поработать и в коренной северо-восточной Руси – за Москвой, во Владимирской области, как раз в том районе, где некогда учредил свой загородный двор Иван Грозный и откуда правил неспокойным тогда Московским государством. Название того места до сих пор сохраняется прежним – Александровская Слобода, оно дано в честь Александра Невского, родившегося совсем рядом, в Переславле-Залесском, и часто проезжавшего здесь через густые высокие леса к столыному граду Владимиру. Только вот здесь соседние области – Ярославскую, Тверскую, Вологодскую,

Костромскую и Рязанскую — стали именовать просто Нечерноземьем. Нас больше всего поразило не этакое пренебрежительное обезличивание Руси, а страшная нищета и убогость в колхозе “Долгополье”, где мы подрядились достраивать брошенный кем-то комплекс для телят. В стоявших рядом коровниках всё буквально утопало в грязи и навозе. Да и доярки, таскавшие на руках тяжёлые бидоны с молоком, не отличались особой чистоплотностью: их юбки, резиновые сапоги и даже повязанные на голову платки были заляпаны навозом. А с уст их то и дело срывался самый отборный мат, причём ругались они не только что вернувшихся бурёнушек, не всегда терпеливо дожидавшихся своей очереди на дойку. Пасли их среди засаженных ярким цветущим клевером полей пастухи с длинными плетёными кнутами. Они сопровождали стадо пешком — точь-в-точь как в прежние времена при помещиках.

Да и в некоторых домах внутри попадались ветхая утварь и кровати, покрытые тряпьём... В углах стояли иконы, под ними — стол, лавки, а выходя из дома, ты оказывался сразу в сарае, где под той же крышей обитали корова, бычок, овцы с курами. И этот древний хозяйский порядок сохранялся неизменно, как и по всему остальному Северу. Говорили здесь на свой особый владимирский лад, окая и с каким-то совсем непривычным распевом. Для наших парней это было в диковинку и даже вызывало умиление. По вечерам мы нередко навещали клуб, в котором собирались на танцы девушки с большими голубыми глазами, русоволосые, со статными красивыми фигурами.

— Полно, полно, — бросали они вместо принятых у нас “довольно” или “хватит”.

Председателем колхоза здесь был откровенный временщик, наезжавший по утрам из соседнего Александрова, причём всякий раз непременно с большим опозданием, поэтому на разрядке лишь как-то встревал невпопад и со всеми соглашался: и с бригадирами своими, и с молодой специалисткой из животноводов, присланной сюда после окончания Ивановского сельхозинститута и постоянно наседавшей на него, требуя для доярок и скотников дополнительных льгот. “А иначе все разбегутся, — доказывала она. — И кто же будет доить коров? Девчонки-то стремятся уехать в Москву или в другие города”. Да, так оно было и на самом деле: лимитчики на стройках столицы набирались, в основном, из деревень Нечерноземья...

Всё это вызывало у меня какое-то удручающее чувство ещё по одной причине. К тому времени я заканчивал Литературный институт, и меня интересовали не одни только летние заработки. Я хорошо знал и о не прекращавшихся спорах, которые касались, прежде всего, судьбы тогдашних сельчан. Прочитал таких писателей-деревенщиков, как Фёдор Абрамов, Владимир Солоухин с его особенно нашумевшими “Владимирскими просёлками”. Каждый из них родился в деревне и с нескрываемой болью передавал то, что ей довелось претерпеть во время раскулачивания, при создании колхозов и в военное лихолетье, когда основная тяжесть легла на плечи оставшихся без мужей женщин. Не скрывали они и тех недостатков, которые как бы неотрывно сопутствовали колхозной жизни.

Не помогали и бесконечные новшества — то укрупнение, то разделение. Выдумали даже такой термин, как “неперспективные деревни”. Но многие, не только руководители, но и простые крестьяне отлично понимали, что все беды их кроются в другом. Дело было в том, что никто из них не чувствовал себя настоящим хозяином на земле. Один из очерков Бориса Можаяева так и назывался: “Земля ждёт хозяина”.

Менять что-то радикально в деревне требовала сама жизнь. Другое дело, к кому перешли во время перестройки все рычаги управления и как эти новопечённые реформаторы развивали свои реформы. Помнится, после поездки к себе на Урал и в Сибирь мне вновь удалось побывать в Нечерноземье. Заросшие лопухами и крапивой поля, бетонные остовы брошенных опустевших коровников, а в Костромской области — на родине Сусанина, в селе Домнино — вообще полное запустение!

Я сюда приехал с паломниками к одной из наших национальных святынь, но тут не было уже ни музея, ни даже прежней школы. Одинокой возвышался лишь старый храм с облупившимися росписями внутри да отовсюду свежими иконами. А поддерживали церковную жизнь и не давали окончательно погибнуть всему остальному несколько монахинь.

Я спустился к реке Шаче и разговорился у мостков с одной старушкой. Оказалось, вдоль всего берега ещё до недавнего времени сплошь стояли деревни. Сейчас не осталось ни одной! Сохранилось лишь два или три дома, да и в них проживали приезжие московские дачники.

Ну, и как же назвать всё это? Прямо какой-то новый Мамаев разор! И свершить его могли только ослеплённые безумцы или самые ярые и непримиримые враги нашей Святой Руси.

Возвращаясь к началу своих записей и пытаясь понять ещё раз главные причины ухода крестьян с родной земли, я остаюсь при твёрдом убеждении, что происходит это в большей мере от того, что никто на ней по-прежнему не ощущает себя настоящим полновластным хозяином. Ибо даже вроде бы уцелевшие фермеры постоянно находятся под гнётом страха и неуверенности в своём будущем. Никак им не удаётся узаконить выделенную землю, избавиться от непомерных налогов, добиться необходимой государственной поддержки.

А ведь перенаселённые города не протянут долго в случае сбоя с поставками продовольствия. Не спасут и те немногие современные агрохолдинги, которые всё-таки построили. А надеяться, что нас всегда будут кормить иностранцы, — это явное и опасное заблуждение. Необходимо поставить во главу угла государственной политики, прежде всего, заботы о русском крестьянине, коль уж решимся сохранить землю-кормилицу за собой и не дать окончательно погибнуть нашей великой многострадальной державе.